

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 42. С. 98–108

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 271.22+913-3(Заб)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.98>

Особенности отбывания наказания лиц духовного звания в Нерчинском Успенском монастыре-пенитенциарии XVIII в. (к истории Нерчинской Успенской церкви)

Е. С. Бушуева*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья продолжает тематический цикл авторских публикаций, раскрывающих особенности пенитенциарной деятельности Нерчинского Успенского мужского монастыря. Рассматривается очередная группа узников, представленная наместниками Успенского монастыря, которые в разное время привлекались к архиерейскому следствию за противоправные деяния. Выявляются особенности тюремного заточения отбывающих наказание влиятельных лиц духовного звания, освещаются судебно-следственные мероприятия в отношении некоторых из них. Подвергается углубленному анализу большой объем не опубликованных ранее рукописных исторических документов из архивохранилищ городов Читы и Иркутска (с последующим введением их в научный оборот), на основе которых составляется развернутая классификация групп осужденных, отбывающих наказание в Успенском мужском монастыре. Устанавливается взаимосвязь и взаимозависимость специфики монастырского наказания и политико-идеологических и духовно-нравственных приоритетов конкретных исторических периодов, проявившихся в постепенном отказе от покаянно-исправительной составляющей монастырского наказания и преобладании карательно-устрашающей практики.

Ключевые слова: Нерчинский Успенский мужской монастырь, архиерейское судопроизводство, наместник монастыря, епитимия, монастырское смирение, отдаленное место заточения.

Для цитирования: Бушуева Е. С. Особенности отбывания наказания лиц духовного звания в Нерчинском Успенском монастыре-пенитенциарии XVIII в. (к истории Нерчинской Успенской церкви) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 98–108. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.98>

Original article

Features of Serving the Sentence of Persons of the Clergy in Nerchinsk Assumption Monastery-Penitentiary of the 18th Century (on the History of the Nerchinsk Assumption Church)

E. S. Bushueva*

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

© Бушуева Е. С., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Abstract. The proposed article continues the thematic cycle of author's publications, revealing the peculiarities of the penitentiary activities of the Nerchinsky Assumption monastery. Acquaintance with unknown pages of history Nerchinsky Assumption monastery relevant on the eve of the 315th anniversary her foundations, which will celebrate this year. The article substantiates, that throughout its history the Nerchinsky Assumption monastery was actively used as a place of exile, imprisonment and punishment for both laity and clergy of various ranks (from the lower echelon of the clergy to the archpesters of church government of the Russian Orthodox Church). The next group of prisoners is considered, represented by the governors of this monastery, who at different times were involved in the bishop's investigation for illegal acts. Research result historical-religious-legal problem can be called identifying features prison imprisonment influential persons of clergy and coverage of forensic activities in respect of some of them. The appeal to the principle of historicism made it possible to seek and subject to a comprehensive analysis of a significant amount of previously unpublished handwritten historical documents from the archives of the city of Chita and city of Irkutsk, with the subsequent introduction into scientific circulation. The principle of objectivity helped to trace the relationship and interdependence of the specifics of monastic punishment on the political-ideological and spiritual-moral priorities of specific historical periods, manifested in the gradual abandonment of the penitential and corrective component of monastic punishment and the acquisition of punitive and intimidating practices. The topic considered in the article deserves further research insofar as Nerchinsky Assumption monastery throughout all 18th was one element in the chain of penitentiary monasteries in the Russian empire.

Keywords: Nerchinsky Assumption monastery, hierarchical proceedings, abbot of the monastery, penance, monastic humility, remote place of confinement.

For citation: Bushueva E.S. Features of Serving the Sentence of Persons of the Clergy in Nerchinsk Assumption Monastery-Penitentiary of the 18th Century (on the History of the Nerchinsk Assumption Church). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 98-108. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.98> (in Russian)

2021 г. был знаменателен для истории Забайкальского края и всей Русской православной церкви тем, что 315 лет назад, 31 мая 1706 г., самодержец российский Петр I собственноручно подписал указ об учреждении первого в Нерчинском дистрикте Иркутского викарианства заштатного мужского монастыря. Данный монастырь стал самым удаленным на юго-восточной окраине складывающейся великой Российской империи. Он находился «за семь тысяч верст» от стольных городов «на краю Сибири» [2, с. 90; 3, с. 121; 14, с. 25; 16, с. 497]. Решением служилого казачества Даурии монастырь возвели на месте прежнего «зимовья с нагороднею», сооруженного в 1653 г. казаками из отряда десятника Максима Уразова. Мужскую обитель посвятили Успению Пресвятой Богородицы – небесной защитницы земли Русской, олицетворяющей возрождение к новой жизни на новых землях.

Монастырь учреждался как последнее пристанище для престарелых и увечных служилых людей, некогда боевых товарищей первых строителей Нерчинска, сподвижников Максима Уразова, Петра Бекетова, Афанасия Пашкова.

История монастыря чрезвычайно интересна, самобытна и абсолютно не знакома широкому кругу читателей. Сведения о повседневной жизни и деятельности обители, ее наместниках, братии и насельниках, о хозяйственно-экономической, религиозно-просветительской, миссионерской и пенитенциарной деятельности автору пришлось собирать буквально по крупицам.

Изучение прошлого Нерчинского Успенского монастыря выявило ряд особенностей, отличающих его от монастырей исконно русских территорий.

К первой отличительной особенности можно отнести тот факт, что Нерчинский мужской монастырь, как периферийный, наиболее удаленный от центра русского православия, с момента своего основания (31 мая 1706 г.) и до упразднения (1773 г.) был погружен в иноязычную среду и действовал в полиэтническом, поликультурном и поликонфессиональном регионе. Он оказал существенное влияние на формирование специфической социокультурной среды, в которой успешно развивались взаимоотношения пришлых русских и представителей автохтонного населения края (тунгусов, эвенков, бурят, монголов и пр.) на принципах толерантности и добрососедского сотрудничества [5, с. 30–40; 6, с. 285–291]. Вторая особенность состоит в факте активного включения Нерчинского Успенского монастыря в формирующуюся церковно-пенитенциарную систему Российского государства. Дефиниция понятия «церковно-пенитенциарная система» всесторонне проанализирована В. Л. Харлановым. Исследователь-правовед объясняет, что это «реализуемая государством при участии церкви в аспекте механизма правового регулирования взаимосвязанная совокупность нормативных актов, учреждений и организаций ... для исправления осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений» [15, с. 121].

К первой половине XVIII в. Успенский монастырь уже являлся важным звеном в цепи периферийных монастырей-пенитенциариев, где отбывали ссылку, заточение и наказание не только миряне, преступившие морально-нравственные нормы евангельской этики, но и лица духовного звания – от нижнего звена клира до опальных духовных архиереев, в свое время входивших в состав руководства высшего органа церковно-государственного управления Русской православной церкви [2–4; 10; 14; 16].

В статье на основе обобщения неизвестных ранее исторических документов, найденных автором в фондах архивохранилищ Читы и Иркутска, рассматривается очередная группа «невольников» (из составленной авторской классификации), отбывающих наказание в Успенской мужской обители [1, с. 77–80; 2, с. 90–95; 3, с. 121–127]. Данная группа узников представлена влиятельными монашествующими, которые по приговору архиерейского суда оказались в тюремном заточении Нерчинского Успенского монастыря.

Актуальность исследования обуславливается необходимостью комплексного изучения жизнедеятельности Успенской обители как яркой страницы в истории и культуре Забайкальского края. Новизна исследования заключается в том, что на основе найденного в архивах Восточной Сибири исторического материала удалось описать условия содержания очередной группы «колодников», в частности высокопоставленных монашествующих, отбывающих ссылку, заключение или наказание в Нерчинском Успенском монастыре [1–3].

Тема заявленного исследования ранее не привлекала внимания историков, краеведов, юристов Восточной Сибири. Проблеме монастырских тюрем в Сибири посвящены несколько публикаций сибирских историков, в которых Нерчинский Успенский монастырь не упоминается [9; 14; 18].

Исследование в интересующем нас аспекте осуществлялось на основе принципа исторического познания, предусматривающего научную объективность и историзм. Обращение к принципу историзма позволило провести углубленный анализ большого объема не опубликованных ранее рукописных исторических документов из Государственного архива Забайкальского края (Ф. 282 «Церкви Забайкальской области», Ф. 8 «Забайкальская духовная консистория») и Государственного архива Иркутской области (Ф. 50 «Иркутская духовная консистория», Ф. 482 «Киренский Троицкий монастырь» и пр.). Обобщение архивных документов показало, что периферийные монастыри Восточной Сибири, в частности Нерчинский Успенский, находящийся «за семь тысяч верст ... на краю Сибири», использовались как место ссылки, заточения и наказания для мирян и лиц духовного звания. С помощью типологического метода раскрыта типичность данной социальной проблемы для рассматриваемого века и показана ведущая роль монастыря в сфере морально-нравственного воспитания прихожан Нерчинского дистрикта. Принцип объективности, а также историко-краеведческий и нарративный методы дали возможность проследить взаимосвязь и взаимозависимость специфики монастырского наказания и политико-идеологических и духовно-нравственных приоритетов конкретных исторических периодов, проявившихся в постепенном отказе от покаянно-исправительной составляющей монастырского наказания и преобладании карательно-устрашающей практики.

Важное место в методологии исследования жизнедеятельности монастырей-пенитенциариев, к которым относится и Нерчинский Успенский мужской монастырь, занимает сравнительный анализ. Указанный метод обнаружил свою эффективность в процессе сопоставления фактического материала, отобранного путем сплошной полистной выборки архивных источников, что позволило выявить общие и специфические особенности монастырского наказания, присущие удаленным монастырям на территории Юго-Восточной Азии в период формирования Российской империи.

Рассматриваемая группа ссылаемых в Нерчинский Успенский мужской монастырь-пенитенциарий представлена облеченными властью монашествующими – наместниками Успенского монастыря, в разное время бывшими под архиерейским следствием за противоправные дела. Результаты анализа содержания исторических документов свидетельствуют, что более половины из числа наместников Нерчинского Успенского монастыря (пятеро из девяти настоятелей монастыря) привлекались к церковному суду или были уличены в противоправных деяниях. Примером сказанному может стать следствие в отношении наместников Успенского монастыря: Виталия, уличенного в «мужеложестве», Нафанаила, Виктора и Иова, обвиняемых в убийствах вкладчиков и монашествующих путем «засечения до смерти»; Нафанаила, Виктора и Антония, расхитивших монастырское имущество и пр. Судебные материалы, собранные автором, достаточно объемны и разноплановы. В настоящей статье ограничимся знакомством только со следственными делами иеромонахов Виталия и Виктора, непродолжительное время бывших наместниками Успенской мужской обители.

Архиерейское судопроизводство в отношении церковных людей обеспечивало прежде всего судебный ведомственный иммунитет церкви, что позволяло не доводить до сведения широкой общественности информацию о противоправных деяниях служителей православного культа. В перечень церковных людей, подлежащих юрисдикции епископа, входили представители белого духовенства, включая членов низшего церковного клира, их жены и дети, а также «чернецы», не исключая игуменов (игумений) монастырей.

К особенностям ссылки в Нерчинский Успенский монастырь можно отнести: во-первых, факт отсутствия среди сосланных «невольников» отбывающих наказание расколоучителей и сектантов; во-вторых, распределение части особо опасных ссыльных в подведомственные монастырю дальние поселья Черное, Шакшинское и Ундинское зимовье. Известно, что в 1754 г. по указу Иркутской духовной консистории после длительного судебного разбирательства в Нерчинский Успенский монастырь был препровожден с конвоем «из четырех крепких казаков» некий «секретный колодник»¹ монах Виталий. Прежде этот разжалованный «секретный» узник-монах исполнял обязанности наместника данного монастыря в должности иеромонаха. В приговоре, вынесенном архиереем Иркутской епархии Иннокентием I (Кульчицким), внимание акцентировалось на исправительно-покаянной стороне наказания, но при этом присутствовали как карательная составляющая наказания – «в монастырское заключение до дня смерти его»², так и устрашающая – «чтоб другим неповадно было»³. По прибытии «секретного колодника» в Успенский монастырь его новый наместник иеромонах Тихон «в силу приказа архиерейского суда» уточнил место отбывания наказания узника – он «повелел по силе приказа отвезти в Черную деревню для содержания там до дня смерти его под караулом в железах»⁴. По мнению ряда исследователей, «заключение в монастырские тюрьмы... принимало искаженную форму» по той причине, что «кающийся становился под формальный контроль настоятеля»⁵ [8; 10; 11; 13; 14; 17; 18].

С сопровождающими узника караульными казаками была прислана «память», составленная наместником Тихоном. В «памяти» на имя поселщика Григория Теменина предписывалось «принять тебе Теменину показанного монаха... в железах посадить в старую избу, окна закупорить только оставить одно окно маленько для света». По требованиям тюремного заточения того времени, с осужденных даже в камере (или ином помещении, приспособленном под камеру) никогда не снимали железных оков [11; 12; 14]. Далее в тексте распоряжения наместника Тихона внимание обращалось на изоляцию ссыльного от жертвы – монастырского вкладчика С-на – и от всего окружающего мира: «К нему никого не допускать и речи с ним не плодить, бумаги, чернил, бересты отнюдь не давать под страхом жестокого наказания». Осужденный, разжалованный в монахи, был важной персоной. На данный факт ука-

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 282. Оп. 1. Д. 45. Л. 191.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50 (ОЦ). Оп. 1. Д. 67. Л. 335.

³ ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 67. Л. 335 об.

⁴ ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 45. Л. 385.

⁵ Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1880. № 4 (февр.). С. 113.

зывает то обстоятельство, что в «памяти» оговаривалась возможность поступления от него «слова и дела»: «...а коли он Виталий за собою важные дела станет показывать отнюдь не верить и писем от него не принимать».

В распоряжении, отданном иеромонахом Тихоном, подробно расписывались условия содержания заключенного узника-монаха. В частности, предписывалось «в избе где посажен будет еже ли печь худа починить или новую збить». Здесь же оговаривалась «кормежка», которую должен был получать невольник: «А пищу давать ему Виталию как надлежит безоскудно». Процитированные из «памяти» требования к условиям содержания узника характеризуют нового наместника Нерчинской Успенской обители иеромонаха Тихона как добросердечного и милосердного человека. В тот период истории тюремная обстановка, в которую помещался тот или иной «колодник», полностью зависела от первого лица монастыря, его личностных качеств и отношения к осужденному с учетом противоправных деяний последнего [2; 3; 12–14; 17; 18].

Без внимания наместника Тихона не остался вопрос охраны жизни невольника-монаха. В целях самосохранения несчастного указывалось: «А караульщика приставить днем и ночью из братии безысходно... смотреть тебе над караульщиками накрепко самому дабы у него Виталия не было не топора и не ножа и повреждения человеческому здоровью».

Приведенные выдержки из распоряжения, сохранившегося в приходно-расходной книге Нерчинского Успенского монастыря – редкого в своем роде исторического документа, найденного автором в фондах Государственного архива Забайкальского края в 2009 г., – предоставили уникальную возможность узнать об условиях содержания духовных лиц в ином типе монастырского тюремного заточения (в отличие от каменного мешка – подклети соборной Успенской церкви [1, с. 77–84; 2, с. 90–95; 3, с. 64–65; 5]), усугубленного высылкой в отдаленное, слабообжитое, глухое место.

Показательны приговоры, вынесенные епархиальными иерархами в отношении противоправных поступков других наместников Нерчинской Успенской обители. Обращаясь к уголовному делу наместника иеромонаха Виктора, узнаем, что он в начале апреля 1746 г. «бил смертными побоями монастырского вкладчика тобольца Григория Лебедева», после смерти которого угрожал «жене его Лебедевой Марии Якимовой с детьми ее застрелить и двор ее сжечь»⁶. Схваченный монашествующими и насельниками наместник-убийца был водворен в монастырскую тюрьму – подклеть каменной Успенской церкви. Здесь в ожидании архиерейского суда, опасаясь расправы со стороны многочисленных вкладчиков, он принял схиму с именем Венедикт.

К расследованию уголовного дела приступила Нерчинская воеводская канцелярия, которая разыскала и привлекла «к тому делу во свидетельство людей кто знает то дело», а именно: крестьян деревни Каменской «Никиту да Карнилия Зимиревых, Максима Замятина, Логина Шренева»⁷. В свою очередь, во избежание выхода ситуации из-под контроля церковного ведомства

⁶ ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 52. Л. 225.

⁷ Там же. Д. 52. Л. 227 об.

Иркутская духовная консистория настоятельно требовала «для уточнения и очной ставки ... выслать без замедления» в Иркутск «за провожатыми» виновного в преднамеренном убийстве наместника иеромонаха Виктора со свидетелями «из вкладчиков того монастыря».

Арестованный 30 мая 1746 г. наместник Виктор в первых числах июля был доставлен на архиерейский суд в Иркутск. Его дело начал рассматривать преосвященный Иннокентий II (Нерунович), епископ Иркутский и Нерчинский. Тем не менее окончательный приговор по уголовному делу иеромонаха Виктора был вынесен позже архимандритом Нафанаилом (Калининским), в то время первым лицом Иркутской епархии. Вследствие серьезной болезни и скорой кончины Иннокентия II (Неруновича) Нафанаил (Калининский) долгие шесть лет исполнял обязанности наместника обширной Иркутской епархии⁸ [9].

Заметим, подследственный иеромонах Виктор (в схиме Венедикт) избежал сурового церковного наказания. В целях его безопасности он был переведен (вернее изолирован от возмущенных вкладчиков Нерчинского Успенского монастыря) в Иркутский Вознесенский монастырь «на житие среди братии» для «приведения к раскаянию и исправлению». На деле к схимнику Венедикту (бывшему наместнику Виктору) не были применены никакие покаянно-увещательные и воспитательно-исправительные меры – по причине того, что в свое время архимандрит Нафанаил (Калининский), будучи игуменом Нерчинского Успенского монастыря, сам привлекался к уголовной ответственности за «засечение до смерти вкладчика» указанного монастыря. Расследование по делу Нафанаила (Калининского) вели одновременно представители высшей государственной и духовной власти Восточной Сибири – вице-губернатор А. Н. Плещеев и преосвященный Иннокентий II (Нерунович), епископ Иркутский и Нерчинский. Следствие затянулось, около года собирали доказательства о виновности бывшего наместника Успенского монастыря. Ситуацией неопределенности воспользовался епископ Иннокентий II (Нерунович), возглавивший после смерти святителя Иннокентия I (Кульчицкого) самую протяженную в территориальном плане епархию. Новый владыка, не найдя ничего предосудительного «в жестоком наказании монастырского насельника» со стороны наместника Нерчинской Успенской обители Нафанаила (Калининского), не привлек его к архиерейскому суду, не вменил ему монастырской ссылки или епитимии, а, сохранив подследственного в сане архимандрита, весной того же 1735 г. указом по духовному ведомству назначил наместником Якутского Спасского монастыря, «для которого, по высказыванию епископа, он и был предназначен»⁹.

⁸ Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1878. № 1 (январь). С. 85; Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1880. № 4 (февраль). С. 113.

⁹ ГАИО. Ф. 50 (ОЦ). Оп. 1. Д. 11. Л. 183 об.; Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1878. № 1 (январь). С. 85; Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1880. № 4 (февраль). С. 113.

Братия Спасской мужской обители, получив распоряжение иркутского архиерея, выступила против жестокого и алчного наместника-убийцы Нафанаила (Калининского), отказав ему в наместничестве¹⁰. От лица иноков Спасского монастыря было выслано гневное письмо в Иркутскую духовную консисторию, следом посыпались многочисленные жалобы от архимандрита Нафанаила (Калининского), назначенного на должность настоятеля данного монастыря, обвинявшего монахов и насельников в «произволе и неподчинении». Данный инцидент потребовал персонального вмешательства Иннокентия II (Неруновича), вынужденного предпринять дальнюю поездку в Якутск и силой своего авторитетного положения, а также подкупа в виде льгот и привилегий Спасскому монастырю утвердить во главе его своего ставленника. Несмотря на отъезд обвиняемого Нафанаила (Калининского), Иркутская провинциальная канцелярия продолжала расследование уголовного дела. Ее сотрудниками был найден и арестован священнический сын Иван Попов, выходец из города Устюга Великого. На момент ареста он исполнял должность писца в архиерейском приказе преосвященного Иннокентия II (Неруновича). Следователи провинциальной канцелярии полагали, что Иван Попов мог знать о преступлении, произошедшем в Нерчинском Успенском монастыре, так как «когда-то временно проживал в нем». Вначале в атмосфере доброжелательной беседы сотрудник канцелярии Лебратовский попытался выяснить истинное положение дел и склонить невольного очевидца к показанию о противоправных действиях прежде бывшего настоятеля Успенского мужского монастыря Нафанаила (Калининского). После упорного молчания писца Попова к нему в целях дознания были применены пытки – «цепью, плетьюми, дыбами, хомутом и другими страшными орудиями»¹¹, но получить от Ивана Попова обвинительного показания в отношении архимандрита Нафанаила (Калининского) не удалось [7]. Со стороны же духовного начальства епархии к преступнику не было применено никаких церковно-покаянных мер.

Таким образом, в рассматриваемый исторический период в среде не только белого, но и черного духовенства Восточной Сибири, в частности Нерчинского дистрикта, совершались противоправные преступные деяния. О данном факте сохранился внушительного объема архивный материал, который дает возможность проследить специфику межличностных отношений в среде монашествующих, раскрыть мотивы, которыми руководствовались наместники православных обителей, совершая преступления, а также выявить особенности архиерейского судопроизводства по отношению к монастырским иереям. Заметим, что архивные источники убедительно показали, что в период формирования и начала деятельности самостоятельной Иркутской епархии в целях наведения дисциплины в духовном ведомстве епархиальные архиереи часто прибегали к судебнo-следственным действиям. На их фоне значительно выделялся своей принципиальностью, образованностью, знанием многочисленных гражданских, военных и духовных законодательных актов

¹⁰ ГАИО. Ф. 50 (ОЦ). Оп. 1. Д. 57. Л. 241 об.; Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1878. № 1 (январь). С. 85.

¹¹ Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1880. № 4 (февраль). С. 113.

епископ святитель Иннокентий (Кульчицкий), в прошлом главный военный священник Русского флота. На эту должность он лично был утвержден самодержцем Петром I. Компетентность и высокие нравственные качества Иннокентия I (Кульчицкого) помогали ему выносить обоснованные приговоры влиятельным духовным лицам, невзирая на их статус¹². Данные прецеденты подробно рассмотрены автором в предыдущих статьях.

Нерчинский Успенский монастырь широко использовался как место отбывания наказания, связанного с лишением свободы для лиц духовного звания. Черное и белое духовенство из епархий европейской части России, а также местные священноцерковнослужители разных званий привлекались к ответственности в специфической форме монастырского покаяния через изоляцию посредством «тюремного заточения» или через «тяжелые работы», что соответствовало христианской философии покаянно-епитимийных (подлинно пенитенциарных) действий со стороны руководства Православной церкви.

Список литературы

1. Бушueva Е. С. Наследие Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря: приходской храм и его настоятели 1775–1930 гг. (к 310-летию основания монастыря) / науч. ред. П. А. Новиков. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 319 с.
2. Бушueva Е. С. Нерчинский Успенский мужской монастырь в пенитенциарной системе Российской империи // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 32. С. 90–95.
3. Бушueva Е. С. Неизвестные факты заточения Георгия Дашкова в тюрьме Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 121–127.
4. Бушueva Е. С. Богадельня Нерчинского Успенского монастыря – первое благотворительное учреждение Забайкалья (к истории Нерчинской Успенской церкви) // Забайкалье историческое : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Чита : Изд-во ЗабГУ, 2021. С. 56–62.
5. Бушueva Е. С., Новиков П. А. Роль межнациональных браков в стабилизации межэтнических отношений в этноконтактной зоне Восточного Забайкалья во второй половине XVII–XVIII веков (к истории Нерчинской Успенской церкви) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 3. С. 30–40.
6. Бушueva Е. С. Развитие межэтнических отношений в Восточном Забайкалье (к истории Нерчинской Успенской церкви) // Вестник ИрГТУ. 2015. № 11 (106). С. 285–291.
7. Бушueva Е. С. Первый настоятель Нерчинского Успенского монастыря: жизнь и деятельность // Православное Забайкалье. 2011. 11 марта. С. 5.
8. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2 (1825–1870 гг.). М. : Юриздат, 1946. 478 с.
9. Жалсараев А. Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий. Энциклопедический справочник. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2001. 386 с.
10. Карташов А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. Репринтное воспроизведение. YMCA-PRESS. Париж, 1959. М. : Наука, 1991. 693 с.
11. Павлушков А. Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Вологда, 2000. 29 с.
12. Полищук Н. И., Нарышкина Н. И. Применение к заключенным цепей и кандалов в тюрьмах России и Европы (X–XVII веков) // Семейное и трудовое право. 2017. № 1. (Т. 93). С. 27–33.
13. Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством // Монастырские тюрьмы в царской России : сборник / подгот. к изд. А. И. Цепковым. Рязань : Александрия, 2010. 316 с.

¹² ГАИО. Ф. 50 (ОЦ). Оп. 1. Д. 12. Л. 62 об.

14. *Сельский И. С.* Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц // Русское слово, 1861. Кн. 8 (август). С. 24–28.
15. *Харланов В. Л.* Церковно-пенитенциарная система: понятие, компоненты // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. Т. 18, № 3. С. 108–114.
16. *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб. : [б. и.], 1878. 750 с.
17. *Шалыпин С. О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков : монография / Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск : ИПЦ САФУ, 2013. 240 с.
18. *Шорохов Л. П.* Узники сибирских монастырей в XVIII веке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX вв.) / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1978. С. 294–308.

References

1. Bushueva E.S. *Naslediye Nerchinskogo Svyato-Uspenskogo muzhskogo monastyrya: prikhodskoy khram i yego nastoyately 1775–1930 gg. (k 310-letiyu osnovaniya monastyrya)* [The legacy of the Nerchinsky Holy Dormition Monastery: the parish church and its abbots 1775–1930. (to the 310th anniversary of the founding of the monastery)]. Sci. ed. P. A. Novikov. Irkutsk, IGU Publ., 2016, 319 p. (in Russian)
2. Bushueva E.S. Nerchinskiy Uspenskiy muzhskoy monastyr v penitentsiarnoy sisteme Rossiyskoy imperii [Nerchinsk Assumption Monastery in the penitentiary system of the Russian Empire]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 32, pp. 90-95. (in Russian)
3. Bushueva E.S. Neizvestnyye fakty zatocheniya Georgiya Dashkova v tyur'me Nerchinskogo Svyato-Uspenskogo muzhskogo monastyrya [Unknown facts of the imprisonment of Georgy Dashkov in the prison of the Nerchinsk Holy Assumption Monastery]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 37, pp. 121-127. (in Russian)
4. Bushueva E.S. Bogadelnya Nerchinskogo Uspenskogo monastyrya – pervoye blagotvoritelnoye uchrezhdeniye Zabaykal'ya (k istorii Nerchinskoy Uspenskoj tserkvi) [The almshouse of the Nerchinsk Assumption Monastery is the first charitable institution in Transbaikalia (on the history of the Nerchinsk Assumption Church)]. *Zabajkalie istoricheskoe* [Historical Transbaikalia]. Proc. of the 1st All-Russian Sci. and Prac. Conf. Chita, ZabGU Publ., 2021, pp. 56-62. (in Russian)
5. Bushueva E.S., Novikov P.A. Rol mezhnatsional'nykh brakov v stabilizatsii mezhetnicheskikh otnosheniy v etnokontaktnoy zone Vostochnogo Zabaykal'ya vo vtoroy polovine XVII-XVIII vekov (k istorii Nerchinskoy Uspenskoj tserkvi) [The role of interethnic marriages in the stabilization of interethnic relations in the ethnocontact zone of Eastern Transbaikalia in the second half of the 17th-18th centuries (on the history of the Nerchinsk Assumption Church)]. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector], 2020, vol. 15, no. 3, pp. 30-40. (in Russian)
6. Bushueva E.S. Razvitiye mezhetnicheskikh otnosheniy v Vostochnom Zabaykal'ye (k istorii Nerchinskoy Uspenskoj tserkvi) [Development of interethnic relations in Eastern Transbaikalia (on the history of the Nerchinsk Assumption Church)]. *Vestnik IrGTU* [Bulletin of ISTU], 2015, no. 11 (106), pp. 285-291. (in Russian)
7. Bushueva E.S. Pervyy nastoyatel Nerchinskogo Uspenskogo monastyrya: zhizn' i deyatelnost [The first rector of the Nerchinsk Assumption Monastery: life and work]. *Pravoslavnoe Zabajkalie* [Orthodox Transbaikalia], 2011, March 11, pp. 5-6. (in Russian)
8. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoj tyurmy (1825-1870 gg.)* [History of the royal prison. In 5 vols. Vol. 2 (1825-1870)]. Moscow, Yurizdat Publ., 1946, 478 p. (in Russian)
9. Zhalsaraev A.D. *Poseleniya, pravoslavnyye khramy, svyashchennosluzhiteli Buryatii XVII-XX stoletiy* [Settlements, Orthodox churches, clergy of Buryatia 17th-20th centuries]. Encyclopedic reference book. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 2001, 386 p. (in Russian)
10. Kartashov A.V. *Ocherki po istorii Russkoj tserkvi* [Essays on the history of the Russian Church]. Vol. 2. Reprint reproduction. YMCA PRESS Publ. Paris, 1959. Moscow, Nauka Publ., 1991, 693 p. (in Russian)
11. Pavlushkov A.R. *Penitentsiarnaya praktika severnykh monastyrey XVIII-XIX vv.* [The penitentiary practice of the northern monasteries of the 18th-19th centuries] Cand. sci. diss. abstr. Volgda, 2000, 29 p. (in Russian)

12. Polishchuk N.I., Naryshkina N.I. Primeneniye k zaklyuchennym tsepey i kandalov v tyur'makh Rossii i Yevropy (X-XVII vekov) [Application of chains and shackles to prisoners in prisons of Russia and Europe (10th-17th centuries)]. *Semejnoe i trudovoe pravo* [Family and labor law]. 2017, vol. 93, no. 1, pp. 27-33. (in Russian)
13. Prugavin A.S. Monastyrskiye tyurmy v borbe s sektantstvom. [Monastic prisons in the fight against sectarianism]. *Monastyrskiye tyurmy v tsarskoy Rossii* [Monastic prisons in Tsarist Russia]. Prepared for publication by A.I. Tsepkov. Ryazan, Alexandria Publ., 2010, 316 p. (in Russian)
14. Selsky I.S. Ssylka v Vostochnuyu Sibir zamechatelnykh lits [Link to Eastern Siberia of remarkable persons]. *Russian Word*, 1861, book 8 (August), pp. 24-28. (in Russian)
15. Kharlanov V.L. Tserkovno-penitentsiarnaya sistema : ponyatiye, komponenty [Church and penitentiary system: concept, components]. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo* [Bulletin of YUUrGU. Series: Law], 2018, vol. 18, no. 3, pp. 108-114. (in Russian)
16. Chistovich I.A. *Feofan Prokopovich i yego vremya* [Feofan Prokopovich and his time]. St. Petersburg, 1878, 750 p. (in Russian)
17. Chaliapin S.O. *Tserkovno-penitentsiarnaya sistema v Rossii XV–XVIII vekov* [Church-penitentiary system in Russia 16th-18th centuries]. Monograph. Arkhangelsk, IPC SAFU Publ., 2013, 240 p. (in Russian)
18. Shorokhov L.P. *Uzniki sibirskikh monastyrey v XVIII veke* [Prisoners of Siberian monasteries in the 18th century]. Link and social and political life in Siberia (18th – early 20th centuries). Ed. ed. L.M. Goryushkin. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, pp. 294-308. (in Russian)

Сведения об авторе

Бушueva Елена Сергеевна
 старший преподаватель
 Иркутский национальный
 исследовательский технический
 университет
 Российская Федерация, 664074, г. Иркутск,
 ул. Лермонтова, 83
 e-mail: tserkov1712spasite@yandex.ru
 ORCID: 0000-0002-8837-4917

Information about the author

Bushueva Elena Sergeevna
 Senior Lecturer
 Irkutsk National Research Technical University
 83, Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russian
 Federation
 e-mail: tserkov1712spasite@yandex.ru
 ORCID: 0000-0002-8837-4917

Статья поступила в редакцию **15.02.2020**, одобрена после рецензирования **05.09.2022**, принята к публикации **30.11.2022**
 The article was submitted **February, 15, 2020**, approved after reviewing **September, 05, 2022**, accepted for publication **November, 30, 2022**